

Чжэн Инь расслабился и выехал на главную дорогу. Он думал, что сможет контролировать Цао Е в течение нескольких дней — без денег мальчишка никуда не денется. Чжэн Инь хорошо знал Цао Е. Этот ребёнок любил развлечения и легко впутывался в неприятности, но у него были и положительные качества. Он не был придирчив, принимал всё как есть и был лёгок на подъём. Жизнь в «Лазурной вечеринке» не разозлила бы его по-настоящему, разве что заставила бы жаловаться. К следующей их встрече он наверняка уже забудет об этом инциденте.

«Сын Цао Сююаня — не самый плохой выбор», — подумал Чжэн Инь. Чжэн Инь заботился о Цао Е гораздо больше, чем Цао Сююань, его настоящий отец. С тех пор как десять лет назад Чжэн Инь начал работать на Цао Сююаня в качестве его помощника и продюсера, он ни разу не пропустил день рождения Цао Е. Чжэн Инь посвящал себя всем без исключения творениям Цао Сююаня — будь то фильмы, которые он снимал, или его единственный ребёнок Цао Е. Так было и на этот раз. В центре фильма, который хотел снять Цао Сююань, был юноша, живший в трущобах. Сюжет разворачивался вокруг совершённого им преступления. Сценарий был оригинальной работой их постоянного партнёра Чжоу Жу. Невероятно, но рождение этого сценария было неразрывно связано с Цао Е.

В тот вечер Чжоу Жу и Цао Сююань выпивали за одним столом, и когда она узнала, что сын Цао Сююаня, Цао Е, в ближайшие дни возвращается из-за границы, заинтересовалась и сказала, что хочет встретиться с ним. Чжэн Инь нашёл в своём телефоне фотографию Цао Е и показал ей. Это была фотография, сделанная в прошлом году на дне рождения Цао Е. В тот день Цао Е играл с друзьями в страйкбол на свежем воздухе — его команда сильно проиграла, и его одежда была порвана в нескольких местах. Штанины, рукава и лицо были испачканы землёй. Когда Чжэн Инь подошёл к нему, чтобы уговорить сфотографироваться, Цао Е был не в настроении и угрюмо держал в руках подарок Чжэн Иня: дорогую скрипку.

Чжоу Жу в то время уже пару лет была в творческом кризисе и ничего не писала, но это фото вдохновило её. Вернувшись домой, она в тот же вечер набросала основную сюжетную линию: юноша, живущий в трущобах, задыхается под тяжестью дорогой скрипки. Чжоу Жу загорелась историей, в которой сплетены благородство и бедность, жизнь престижных районов спорит с жизнью трущоб; историю о жизни, от которой невозможно убежать, и о судьбе, которой бессмысленно сопротивляться.

Цао Е идеально подходил для роли, поскольку стал катализатором сюжета, но Цао Сююань всё ещё пребывал в раздумьях. Два дня назад, когда они отправились на разведку в Яньчэн, он вдруг предложил заскочить в местную музыкальную школу. Именно этот внезапный порыв переместил Лян Сычжэ из Яньчэна в Пекин. Однако вопрос о том, стоит ли Лян Сычжэ этой роли, Цао Сююань до сих пор не решил, поручив Чжэн Иню для начала помариновать его какое-то время в атмосфере трущоб. Проработав с Цао Сююанем много лет, Чжэн Инь, бесспорно, понимал его сомнения: у Лян Сычжэ не было опыта актёрской игры. Дать ему

главную роль значило позволить юноше играть, используя лишь интуицию и собственный жизненный опыт. Однако жизнь Лян Сычжэ была слишком благополучной. Он не знал, каково это — расти в трущобах. Чтобы сыграть достоверно, ему нужно адаптироваться к среде, на себе почувствовать жизнь низов.

— А как же Цао Е? — спросил Чжэн Инь у Цао Сююаня. — Может, пусть и он набирается опыта?

— Да, пожалуйста — если сможешь его уговорить, — сказал Цао Сююань.

Остановившись на светофоре, Чжэн Инь вынырнул из воспоминаний и позвонил Цао Сююаню.

— Юань-гэ, я уговорил сяо Е. Он был очень послушным. Да, не волнуйся...

—

Цао Е вернулся обратно, недовольный и раздражённый бесплодными поисками купюры в сто юаней, которую он в сердцах выбросил. Он планировал использовать эти деньги, чтобы нанять такси и уехать к другу, но купюра в сто юаней исчезла без следа, словно её никогда и не было. Некоторое время Цао Е шарил глазами по земле, пока не почувствовал взгляды местных. Те с непроницаемыми лицами наблюдали пантомиму «несчастный молодой господин повсюду ищет деньги». Цао Е не мог определить, к кому из них перекочевали его сто юаней, а потому спросил, ни к кому конкретно не обращаясь:

— Кто взял мои сто юаней?

Разумеется, никто ему не ответил — надо быть идиотом, чтобы в таком признаться. Постояв пару секунд, Цао Е почувствовал идиотом и себя. Он взъерошил волосы и ни с чем поплёлся обратно. Лян Сычжэ всё ещё стоял у входа «Лазурной вечеринки». Цао Е не понимал, что можно было так долго рассматривать в этих грязных и закопчённых — неужели он судит о возрасте каждой лавочки по толщине жира и грязи — витринах?

— Эй, — окликнул он с края тротуара стоящего на ступеньках Лян Сычжэ.

Лян Сычжэ размышлял над тем, что бы съесть на ужин и медленно повернулся на голос.

— Не видел, кто забрал мои сто юаней?

Глаза Лян Сычжэ на мгновение задержались на его лице, а затем он, как скупец золотую монету, выдал слово:

— Нет.

— Жаль... Ладно, забудь — Цао Е уже свыкся с мыслью, что больше никогда не увидит эту купюру и задал другой вопрос: — А не знаешь, где ближайший банкомат?

— Нет.

Как раз, когда Цао Е собирался спросить что-то ещё, на улицу выглянула хозяйка заведения, выпихнув вперёд свой громкий голос:

— Не надоело тут стоять? Господин Чжэн уже ушёл?

Цао Е угрюмо ответил:

— М-м.

Многолетний опыт работы в «приличном бизнесе» научил мадам считывать по лицу и жестам все мысли человека до единой. Ей как на ладони была видна досада Цао Е и его нежелание оставаться здесь. Она подошла поближе и ласково сказала:

— Не судите о нашем заведении по первому этажу, я оставила вам двоим лучшую комнату. Давайте, красавчики, поднимитесь и посмотрите — вы останетесь довольны, — её взгляд упал на багаж, оставленный неподалёку. — Это ваш багаж? — Она хотела поднять его, но Цао Е шагнул вперёд и сделал это первым. Слова хозяйки ничуть не улучшили его настроения. Он хмуро сказал:

— Это мой, я сам, — дёрнул чемодан за ручку и направился внутрь.

Старая деревянная лестница на второй этаж скрипела под тяжестью их шагов. Цао Е шёл впереди, а Лян Сычжэ со своим чемоданом отставал на две ступеньки. Хозяйка крикнула им вслед:

— Третий этаж, комната в самом конце!

На третьем этаже находился уединённый дешёвый хостел почти без удобств — только переночевать. Некоторые снимали здесь комнату годами. Коридор без окон освещали тусклые лампы, потемневшие от времени двери угрюмо таращились на новых постояльцев. Изнутри доносились приглушённые звуки жизни других съёмщиков. Протащив чемоданы по обшарпанному покрытию под мрамор, они остановились перед самой дальней дверью. Цао Е толкнул её — заперто.

— Ключи у меня, — владелица заведения догнала их. — Комнату только сегодня убирали, — сначала она повернула ключ в замке, затем дверную ручку и толкнула дверь. — Почему бы вам не зайти внутрь и не осмотреться?

Довольно просторная комната выходила окнами на юг. Было уже около семи вечера, но в комнате по-прежнему было светло. Грубоватая, но чистая мебель контрастировала с обстановкой внизу. Глядя на обшарпанную входную дверь снаружи, никто не подумал бы, что комната за ней окажется такой светлой и просторной.

Цао Е остановился на пороге. Лян Сычжэ вошёл, прислонил чемодан к стене и стал осматриваться в комнате. Две двуспальные кровати, застеленные безупречно белыми простынями, на стене — телевизор средних размеров. В метре от него — четырехдверный лакированный шкаф, выглядевший не очень новым. Возле окна — небольшой деревянный стол с квадратной столешницей.

«Неплохо», — подумал Лян Сычжэ, признав, что комната намного превзошла его ожидания.

Подняв голову, он увидел, что Цао Е хмурится, а выражение его лица почти кричало: «Какое ужасное место!» Цао Е хотел сказать это вслух, но хозяйка была слишком воодушевлена, и ему не хотелось её расстраивать. Он подавил слова, которые вертелись у него на языке, и сказал нейтральным тоном:

— Двухместный номер? Мы оба будем здесь жить?

— Да, — женщина улыбнулась изнеженному младшему сыну Цао Сююаня. — Маленький предок [1], это лучшая наша комната. Не веришь? Давай покажу тебе соседнюю. Там освещение хуже, да и места меньше, но если захочешь, можешь жить там один.

[1] 小宗 (xiǎo zǔzōng) — досл. «маленький предок». Ласковое, часто ироничное обращение к капризному и требовательному человеку, к которому относятся с особой бережностью. Часто используется по отношению к детям, доставляющим много хлопот, которых очень любят.

Фактически Чжэн Инь предложил поселить их в одной комнате, поскольку очень боялся, что Цао Е собьётся с пути. Если бы он начал водить к себе девушек, Чжэн Иню пришлось бы держать ответ перед Цао Сююанем. Но поскольку Цао Е предстояло делить одну комнату с Лян Сычжэ, девушек он водить не мог — неважно, захочет Лян Сычжэ присматривать за ним или нет.

Хозяйка заведения не лгала. Несмотря на щедрость Чжэн Иня, её возможности были ограничены — она не могла предоставить вторую такую же комнату. Даже эта была временно переделана из восьмиместной. Цао Е всё же сходил с ней посмотреть соседний номер, но ему хватило одного взгляда, чтобы отказаться от идеи жить там. Хозяйка сказала правду: там было очень тесно — всего около десяти квадратных метров. Кровать посередине занимала больше половины пространства, а ванная комната, втиснутая в угол комнаты, была такой крошечной, что, принимая душ, было не развернуться.

— Видишь, я не врала — она стояла позади него, дожидаясь пока он налюбуется апартаментами. — Знаю, вы все любите роскошь, поэтому и подготовила для вас нашу лучшую комнату. Маленький предок, постарайся устроиться. Я пойду, мне нужно заняться делами внизу, а вы обустраивайтесь.

Закончив говорить, она вывела Цао Е и закрыла дверь. Она вручила молодым людям по связке ключей и поспешила вниз, чтобы вернуться к своей работе.

<http://bllate.org/book/12811/1130218>